

Принцип ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ и корпоративный контроль: взаимосвязь и перспективы развития правового регулирования

Виталий Владимирович Супрун¹, Константин Николаевич Кокунов²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹2231330@mail.ru

²www@kokunov.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена отсутствием системного подхода в законодательстве касательно механизма игнорирования принципа ограниченной ответственности учредителей (участников) хозяйственных обществ и параллельно формирующейся в этой сфере судебной практике, развивающей общие положения о недопустимости злоупотребления правом. Авторами обосновывается неструктурность и бесперспективность подхода применения доктрины «снятия корпоративной вуали», целиком основанного на парадигме злоупотребления правом. Исследование включает в себя три этапа.

Во-первых, признавая корпоративный контроль образующим элементом доктрины «снятия корпоративной вуали», авторы рассматривают его место в динамике правового регулирования через призму теории правоотношения и юридических фактов.

Во-вторых, производится анализ судебной практики, демонстрирующей реализацию законодательного регулирования в исследуемой плоскости на примерах преодоления судами принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ, в том числе, в случаях использования конструкции юридического лица для обмана кредиторов, недокапитализации общества и смешения его капитала с капиталом участников.

В-третьих, обнаружив «обрыв» в динамике правового регулирования при использовании предлагаемых судебной практикой инструментов, первоочередно включающих в себя оценку добросовестности, авторы моделируют «развертывание» сущности юридического лица до момента, когда в ней обнаруживается влияние эксцессов волеобразования в корпорации. По результатам системного анализа формулируются выводы о взаимосвязи самостоятельности юридического лица, «снятия корпоративной вуали» и корпоративного контроля.

Проведенное исследование завершает резюмирующая позиция авторов о необходимости признания за методологией применения судами ст. 10 ГК РФ в рассматриваемом аспекте лишь временного характера, а также о потребности в этой связи в развитии общего родового нормативного регулирования.

Ключевые слова: ограниченная ответственность, юридическая личность, участники корпорации, юридический и фактический корпоративный контроль, механизм правового регулирования, система юридических фактов, злоупотребление правом, динамика правового регулирования

Для цитирования: Супрун В. В., Кокунов К. Н. Принцип ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ и корпоративный контроль: взаимосвязь и перспективы развития правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 125–135. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-125-135>. EDN VVYN00

The principle of limited liability of members of an economic company and corporate control: correlation and prospects for development of legal regulation

Vitaly V. Suprun¹, Konstantin N. Kokunov²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹2231330@mail.ru

²www@kokunov.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the lack of a systematic approach in the legislation regarding the mechanism of ignoring the principle of limited liability of founders (participants) of business companies and the parallel judicial practice that is being formed in this area, which develops general provisions on the inadmissibility of abuse of law and certain provisions of corporate and bankruptcy law.

The authors substantiate the lack of structure and futility of the approach of applying the doctrine of "removing the corporate veil", based entirely on the paradigm of abuse of law.

The research includes three stages.

Firstly, recognizing corporate control as a constituent element of the doctrine of "removing the corporate veil", the authors consider its place in the dynamics of legal regulation through the prism of the theory of legal relations and legal facts.

Secondly, judicial practice is being studied, demonstrating the implementation of legislative regulation in the studied plane on examples of courts overcoming the principle of limited liability of participants in business companies, including cases of using the structure of a legal entity to deceive creditors, undercapitalization of a company and mixing its capital with the capital of participants.

Thirdly, having discovered a "break" in the dynamics of legal regulation when using the tools proposed by judicial practice, which primarily include the evaluative ideology of good faith, the authors model the "deployment" of the essence of a legal entity to the moment when it is influenced by excesses of volition in a corporation. In this connection, conclusions are drawn about the relationship between the independence of a legal entity, the "removal of the corporate veil" and corporate control.

Based on the results of the exploration, a position is made on the need to recognize the methodology of application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation as temporary and the need for the development of a general generic regulatory regulation in the field under consideration.

Keywords: limited liability, legal personality, corporation participants, legal and real corporate control, legal regulation mechanism, system of juridical facts, abuse of law, dynamics of legal regulation

For citation: Suprun V. V., Kokunov K. N. The principle of limited liability of members of an economic company and corporate control: correlation and prospects for development of legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):125–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-125-135>. EDN VVYN00

Введение

Ограниченная ответственность является важным правовым принципом построения корпоративных юридических лиц, который защищает интересы участников экономических отношений, позволяя им вести бизнес с меньшим риском личных финансовых потерь, способствуя включению в предпринимательскую деятельность новых субъектов. Однако, без четких законодательных рамок этот принцип может привести к злоупотреблениям и нарушению прав других, «внешних» по отношению к корпорации лиц, а, в результате, и к отступлению от одного из самых существенных требований, которые предъявляются к объективному праву, – об определенности правовых норм [1].

В свою очередь, наиболее часто и широко доктринально обсуждаемым усечением действия указанного общего принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ является **доктрина «снятия корпоративной вуали»**, представленная такими институтами, как [2, с. 697]:

- привлечение к ответственности за убытки фактически контролирующих лиц в корпоративном праве согласно п. 3 ст. 53.1. Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее также – ГК РФ*);
- привлечение к субсидиарной ответственности основного общества или иных контролирующих должника лиц в банкротстве согласно абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ и ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002г. №127-ФЗ соответственно;
- привлечение основного общества к солидарной ответственности по долгам дочернего из сделок во исполнение указаний или с согласия основного общества согласно абз.абз. первому и второму п. 2 ст. 67.3. ГК РФ.

«Снятие корпоративной вуали» в своей сущности представляет юридический механизм, при котором правовая надстройка в виде юридического лица «отбрасывается» в тех случаях, когда очевиден её номинальный характер. «Правовая личность» и интересы юридического лица в указанном случае де-факто не формируются, а новое правосубъектное лицо создается с основной целью ограничения ответственности его учредителей (участников) по обязательствам перед третьими лицами.

Подобный обход номинального, а потому квазиправосубъектного по своей природе образования позволяет кредиторам привлечь к ответственности бенефициара, чья воля в действительности наличествует в отношениях.

В то же время из вышесказанного следует, что для эффективного применения механизма «снятия корпоративной вуали» необходимо исследовать процесс формирования воли внутри корпорации во взаимосвязи с институтом корпоративного контроля.

Корпоративный контроль в механизме правового регулирования

Под корпоративным контролем следует понимать фактическую или юридическую возможность лица определять волеизъявление корпорации в соответствии с волей и интересами такого лица, **при этом волеизъявление самой корпорации перестает быть самостоятельным, а обычный процесс волеобразования и волеизъявления в корпорации нарушается**, происходит вмешательство в полномочия органов управления корпорации [3].

Корпоративный контроль необходимо различать как возникающий из фактических или юридических оснований. Юридический корпоративный контроль возникает из преобладающего количества голосов на общем собрании или из корпоративного договора, характеризуясь использованием юридических средств в оформлении своих взаимоотношений между контролирующим лицом и подконтрольной организацией. В противовес этому при фактическом контроле подобные формализованные взаимосвязи не формируется, а отношения сторон развиваются преимущественно в предметно-фактической плоскости.

Представляется, что **в механизме правового регулирования юридический корпоративный контроль следует рассматривать как юридический факт-состояние в регулятивных правоотношениях или элемент сложного юридического факта (состава) в охранительных правоотношениях, а фактический – только как элемент сложного юридического факта (состава), приобретающего правовую релевантность исключительно в охранительных правоотношениях**. Указанная позиция обусловлена следующим.

В первую очередь, попытки рассматривать корпоративный контроль в качестве самостоятельного правоотношения едва ли будут успешными. В отсутствие субъективного гражданского права как вида и меры возможного поведения, а также корреспондирующей ему обязанности, нельзя констатировать существование правоотношения. Установленная гражданско-правовой нормой мера возможного поведения лишь тогда составляет субъективное гражданское право, когда ее реализация управомоченным лицом поставлена в зависимость от поведения других лиц [4, с. 14], то есть предусматривает возложение корреспондирующей обязанности на кого-либо¹.

Очевидно, что фактический контроль такой юридической связи не порождает.

Более того, корпоративный контроль в целом гипотетически мог бы быть признан «аналогом» классического субъективного гражданского права лишь при договорной модели осуществления

¹ За исключением, разве, секундарных прав. См.: [5, с. 307 – 308]. Однако и в данном случае корпоративный контроль в целом и фактический, в частности, нельзя квалифицировать как секундарное право, поскольку секундарные права возникают и существуют как вторичный элемент правоотношения, которое между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией отсутствует.

этого контроля. В случае же, когда корпоративный контроль осуществляется через преобладающее большинство голосов на общем собрании, налицо всего лишь реализация обычных корпоративных прав участия в управлении юридическим лицом.

Получается, что при юридическом внедоговорном корпоративном контроле контролирующее лицо реализует свои возможности влиять на волеизъявление организации посредством корпоративных правоотношений, тогда как в случае с фактическим контролем контролирующее лицо вообще не участвует в таких правоотношениях.

Далее, обратившись к такому элементу правоотношения, как объект, мы также приходим к выводу о том, что корпоративный контроль им не является.

Так, объект правоотношения в классическом его понимании представляет собой поведение обязанного лица [6, с. 138]. В то же время ни юридический внедоговорный корпоративный контроль, возникающий вне пределов правоотношений между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией, ни фактический контроль, при котором таких правоотношений не возникает в принципе, не могут быть признаны объектами правоотношения.

С. А. Зинченко различает объект правоотношения и объект права, при этом к объекту правоотношения он относит сознание обязанного лица, поскольку между правом и фактической деятельностью лица (поведением) не имеется точек соприкосновения [7, с. 86]. В таком понимании, очевидно, корпоративный контроль быть объектом правоотношения и подменять такое метаправовое понятие, как «сознание», не может.

В то же время корпоративный контроль может быть назван благом, поскольку пользуясь соответствующими возможностями из его осуществления, контролирующее лицо реализует вытекающие из собственных интересов потребности за счёт формирования волеизъявления подконтрольного лица. Однако, поскольку признание явления объектом права происходит именно установлением в отношении него правового режима [8, с. 122], корпоративный контроль в силу отсутствия закрепления правового режима (главным образом в ст. 128 ГК РФ) нельзя признать самостоятельным объектом права.

С учетом изложенного, представляется уместным рассматривать корпоративный контроль именно в системе юридических фактов.

Так, юридические факты представляют собой волевые акты, порождающие, изменяющие или прекращающие права (объективные и субъективные) [7, с. 16–17].

Зинченко С. А. справедливо отмечает, что «в юридических фактах нет ни грамма материального» [7, с. 110]: поскольку юридические факты – явление права, «идеального», постольку в них не может быть «материального». События же не являются самостоятельными юридическими фактами, а лишь условием возникновения права, но его результатом всегда будет действие [6, с. 163] – волевой акт.

В то же время, как отмечает В. Б. Исаков, «факты, прежде чем они проявят свое юридическое значение, должны быть надлежащим образом установлены и зафиксированы. Без этого они вряд ли могут быть использованы в качестве таковых» [9, с. 37, 44–46].

Выявление места корпоративного контроля в системе юридических фактов заключается в том, что сам по себе он не известен правовой действительности до того момента, пока не будет зафиксирован в юридически значимом акте. Однако, если в случае с юридическим контролем его фиксация как таковых проблем не вызывает, то осуществление фактического контроля зачастую имплицитно для большинства участников гражданского оборота¹.

Зинченко С. А. отмечал, что сложным юридическим фактам, по общему положению, не предшествуют конкретные юридические условия, так как они здесь приобретают статус элементов правообразующего основания [7, с. 36].

¹ В силу этого законодателем в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ избран подход указания не всех возможных обстоятельств, влекущих возникновение правоотношений из фактического контроля, а лишь признаков, свидетельствующих о нём, – через «возможность определять действия». Однако, на практике приходится иметь дело с тем, что соответствующая «возможность» устанавливается постфактум и характеризует собой не столько текущее состояние, сколько отдельное его ретроспективное проявление.

Принимая это во внимание, можно понять, откуда проистекают трудности с выявлением места фактического контроля в системе юридических фактов, и почему он, как правило, проявляется в охранительных правоотношениях, где именно суд «со своей высоты» может оценить и придать юридическую силу фактическим обстоятельствам, а не формализованным правовым связям.

При таком рассмотрении, очевидно, что фактический контроль сам по себе не порождает прав и обязанностей, – для их возникновения необходимо накопление и других элементов сложного юридического факта (состава).

В доктрине высказывалась позиция о том, что возникновение корпоративного контроля следует рассматривать как бланкетный юридический факт-состояние, а осуществление корпоративного контроля – как бланкетный юридический факт [10, с. 69]. Осуществляется ли корпоративный контроль или нет в первом случае – не имеет значения для возникновения соответствующей обязанности контролирующего лица. При этом Красавчиков О. А. отмечал, что существуют такие юридические факты, содержание которых в норме права не раскрыто, но приводятся отдельные признаки тех или других фактов, с установлением которых судом норма права связывает юридические последствия [11, с. 77].

С таким подходом можно согласиться лишь частично.

Так, в случае с юридическим контролем возникновение юридического факта, порождающего регулятивные правоотношения, не вызывает трудностей в обнаружении. Например, лицо, которое приобрело контрольный пакет акций, получает ряд корпоративных прав и обязанностей. Из содержания этих прав может быть выведена возможность определять в своем интересе волеизъявление корпорации по широкому спектру вопросов. В таком случае можно говорить о формировании юридического факта-состояния корпоративного контроля и привязывать к его возникновению движение регулятивных правоотношений.

Однако, в ситуации с установлением фактического контроля видимых, формализованных юридических феноменов, из которых можно вывести сформированную возможность определять волеизъявление корпорации, мы не находим.

Возможно ли в таком случае говорить о существовании индивидуально-конкретных регулятивных правоотношений между фактически контролирующим лицом и подконтрольной организацией?

Представляется, что нет¹. Норма п. 3 ст. 53.1 ГК РФ о необходимости указанных лиц действовать добросовестно и разумно носит скорее декларативный характер, поскольку даже если предположить, что фактически контролирующее лицо каким-либо образом заявит о своём статусе, подобное заявление не будет иметь юридической силы, во-первых, из-за вероятностного характера содержащихся в нём сведений (поскольку, если контролирующее лицо захочет придать своим связям с организацией явный характер, оно воспользуется юридическими инструментами), во-вторых, в силу отсутствия в законе указания на возникновение юридических последствий из подобного рода актов.

Исходя из вышесказанного, стоит обозначить следующую систему.

Фактический корпоративный контроль является элементом сложных юридических фактов (составов) – волевых актов, порождающих, изменяющих или прекращающих права и обязанности. Сущностью такого элемента является возможность определять волеизъявление юридического лица, а содержанием – основания возникновения, порождающие данную возможность, проявление которых происходит в актах реальной, а не правовой действительности.

¹ Заметим, что возможны попытки конструировать «общее регулятивное правоотношение», основанное на обязанности действовать разумно и добросовестно в интересах контролируемого лица. Но тогда будет необходимо ответить на вопрос: что же это за правоотношение – вещное, обязательственное, корпоративное? Или же, возможно, это некий уникальный вид правоотношений, ещё одна *sui generis* конструкция? Решение подобного рода вопросов будет зависеть от принятых взглядов на теорию правоотношения в целом. Так, ранее названную обязанность действовать разумно и добросовестно можно рассмотреть и как квазикорпоративное отношение, и как общее публичное ограничение осуществления прав контролирующим лицом. Безусловно, разрешение данной дискуссии важно, однако, с нашей точки зрения, фактический контроль обретает наибольшую апробацию в механизме правового регулирования именно как элемент сложных юридических фактов (составов).

Сама по себе «фактическая возможность» с теоретической точки зрения должна остаточным образом включать в себя основания возникновения контроля, не опосредованные юридическими связями. В случае же обнаружения такой связи (преобладающего участия или договора), корпоративный контроль, обретая формализованную природу, становится юридическим.

Соответственно, именно с юридическим корпоративным контролем как с самостоятельным юридическим фактом-состоянием увязано движение регулятивных правоотношений, в то время как в охранительных отношениях такой факт-состояние выступает уже в качестве отдельного элемента сложного юридического факта (состава) «второго» уровня.

С функциональной точки зрения корпоративный контроль является неким «маркером», выявляющим формирование и движение воли юридического лица, в связи с чем можно было бы поспешно констатировать его обслуживающую роль по отношению к «снятию корпоративной вуали»: анализируя содержание юридического и корпоративного контроля в конкретном случае, можно судить о возможности отступления от принципа ограниченной ответственности участников общества.

Однако, указанное утверждение будет слишком поверхностным и не даст нам действительного понимания соотношения указанных явлений в механизме правового регулирования.

В этой связи для определения сущностных юридических взаимосвязей необходимо учитывать и сложившуюся судебную практику в рассматриваемой сфере.

Судебная практика по преодолению принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ

В первую очередь, стоит отметить популярный в правоприменении тезис о том, что «в тех случаях, когда фикция юридического лица **используется ненадлежащим образом, например, для обмана кредиторов**, допускается игнорирование оболочки юридического лица («снятие корпоративной вуали»)»¹.

Указанное, в частности, может происходить для создания видимости определенной деятельности в целях введения в заблуждение контрагентов и маскировки конечных правообладателей, построения фиктивных корпоративных схем, получения налоговых или иных преференций. В таких случаях суды привлекают к ответственности фактического выгодоприобретателя от злоупотребления правом².

Также отдельного упоминания заслуживает формирующийся в судебной практике подход о привлечении контролирующих лиц к ответственности в случае злоупотребления конструкцией юридического лица путем **смещения капиталов участника и общества**.

Так, Верховный суд РФ отметил, что «участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их "продолжением", в частности, когда самим участником допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества (например, использование участником банковских счетов юридического лица для проведения расчетов со своими кредиторами), если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным. В подобной ситуации правопорядок относится к корпорации так же, как и она относится к себе, игнорируя принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения»³.

Идея о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дел о банкротстве связывается судебной практикой с запретом на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ)⁴.

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2017 № 17АП-5217/2016-ГК по делу № А60-21564/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² Решение арбитражного суда Новосибирской области от 27.02.2024 по делу № А45-24070/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³ П. 28 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

К недобросовестному поведению контролирующего лица может быть отнесено также и избрание участником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исправно исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота, например, перевод деятельности на вновь созданное юридическое лицо в целях исключения ответственности перед контрагентами и т.п.¹

Еще одним примером усечения действия общего принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ, связанным с имущественной сферой, является **недокапитализация общества**.

Опуская дискуссию о необходимости и размере уставного капитала, стоит отметить, что в российском законодательстве присутствуют основания для привлечения учредителей или акционеров корпорации к ответственности за недостаточную капитализацию, в частности, согласно п. 3 и п. 4 ст. 66.2 ГК РФ. Однако данные основания связаны с первоначальной недостаточной капитализацией, а не объективной, т.е. такой, при которой активы компании после ее учреждения явно не соответствуют объему совершаемых ею хозяйственных операций [12].

При этом подобные идеи прослеживаются в судебной практике, хотя и не квалифицируются в качестве самостоятельного основания ответственности.

Так, в своём обзоре Верховный суд РФ, рассматривая вопрос о субординации требований контролирующего должника лица, отметил, что «у учредителей организации не было какой-либо неопределенности относительно рынка и масштабов деятельности нового, созданного ими, участника гражданского оборота. Уже на начальном этапе им было заведомо известно, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в сфере создания крупных объектов недвижимости ввиду очевидного несоответствия полученного ею имущества (денежные средства в сумме 10 тыс. рублей)»².

Изложенное выше свидетельствует об отсутствии системной структурности в подходах судебной практики к разрешению вопросов преодоления принципа ограниченной ответственности, что проявляется, в первую очередь, в тяготении к применению парадигмы злоупотребления правом.

Стоит учитывать, что признание определенных отношений злоупотреблением правом само по себе свидетельствует о выходе за его пределы [7, с. 106]. То есть речь идёт о ситуации, когда заложенная на абстрактном уровне модель регулирования отношений не сработала должным образом, а отношения получили развитие в фактическом поведении субъектов.

Так каким же образом это самое фактическое поведение вновь обретает правовое значение?

При попытке ответить на этот вопрос через призму ст. 10 ГК РФ, как к этому подталкивает современная судебная практика, мы обнаруживаем «обрыв» в динамике правового регулирования.

Указанная прерывистость обусловлена именно отсутствием целостного нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

При таких обстоятельствах представляется методологически обоснованным прибегнуть к диалектике «восхождения от абстрактного к конкретному» и рассмотреть в целом такую правовую конструкцию, как «юридическое лицо», выявив те существенные характеристики, которые в «снятом виде» влияют на весь складывающийся впоследствии комплекс общих и конкретных правоотношений в сфере ответственности участников хозяйственных обществ, структурируя динамику этих отношений.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² П. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Сущность конструкции юридического лица в системе правового регулирования

Попытки найти истоки необходимости введения в правовую систему категории «юридическое лицо» не раз предпринимались отечественными цивилистами. Так, Суханов Е. А. справедливо отмечает, что появление такой конструкции обусловлено потребностями имущественного оборота, а именно, уменьшением риска имущественных потерь для учредителей (участников) юридического лица путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданного ими нового субъекта права – юридическое лицо и ограничения этой ответственности имеющимся у него имуществом [13, с. 11].

Будучи преимущественно сторонником теории целевого имущества юридического лица, Евгений Алексеевич озвучивает ценную, с нашей точки зрения, идею **обособленности юридического лица от учредителей**.

При этом в рамках отдельных теорий юридического лица такое обособление, например, происходит через противопоставление естественного лица – физического лица, которое обладает сознанием, возможностью мыслить, волей и собственным интересом, и искусственного создания права – юридического лица [14] (теория фикций), через факт отчуждения в пользу юридического лица определенного имущества и его персонификации (теория целевого имущества) либо путем обоснования существования «социальных организмов», обладающих самостоятельной коллективной волей, интересами наравне с «организмами индивидуальными» (органическая теория) [15, с. 471].

Сущностной характеристикой во всех перечисленных случаях представляется идея об обособленности, «несовпадении» юридического лица с его учредителями и вытекающая из этого его *внешняя самостоятельность как субъекта права*¹.

Взаимосвязь самостоятельности юридического лица, «снятия корпоративной вуали» и корпоративного контроля

Самостоятельная правосубъектность в механизме правового регулирования реализуется посредством действий юридического лица своею волей и в своём интересе.

В подобной парадигме корпоративный контроль (как юридический, так и фактический) является ничем иным, как элементом сложных юридических фактов (составов), сигнализирующим об эксцессах нормального волеобразования в интересах самой корпорации, а не конечных бенефициаров. А ведь указанные интересы зачастую направлены противоположно. Корпорация как раз-таки и создаётся с тем, чтобы через заранее определённую систему управления упорядочить потребности различных субъектов в один «общий» интерес.

При этом, в силу особенностей механизма корпоративного участия членов общества² и необходимости их одновременного взаимодействия с контрагентами, очевидной становится потребность в новом субъекте права. Более того, простая совокупность интересов участников общества не обязана совпадать с интересом общества – на дистанции ему присущ синергический характер (как правило, в рамках определенной цели)³.

Также стоит отметить и сформировавшийся критический подход к оценке наличия у юридического лица самостоятельного интереса.

¹ Если обогатить содержанием описанную сущность, мы сможем увидеть такие типичные для теории права признаки юридического лица, как организационное единство, имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность, наличие собственного имени (наименования) и способность приобретать и осуществлять гражданские и процессуальные права и обязанности.

² В частности, различного уровня корпоративного участия у членов общества. Так, например, принцип «меньшинство подчиняется большинству» в дисперсной структуре управления, по нашему мнению, обуславливает формирование особого интереса корпорации. Хотя и в отдельно взятом случае де-факто этот интерес будет интересом большинства, в систематичном повторении управленческих решений мы имеем шанс обнаружить, что это самое большинство по своему составу не является идентичным. В этот момент и проявляется корпоративный эффект юридического лица как координационного объединения.

³ Возложение указанной цели на субъект с теоретической точки зрения происходит по-разному: например, через целевой характер передаваемого имущества или же интерес «социального организма».

Согласимся с мнением, что интересы юридического лица – категория довольно подвижная, сложно или почти не поддающаяся какой-либо раз и навсегда текстуальной формализации, фиксации, даже применительно к конкретному юридическому лицу, если в нем присутствуют как минимум три лица (участника). При этом высказывается мнение о том, что политико-правовые дискуссии, обосновывающие введение какого-либо нового института корпоративного права, не могут базироваться на понятии интересов юридического лица, а должны обосновываться соображениями защиты интересов отдельных участников или групп участников корпорации [16].

В дополнение к этому необходимо отметить, что интерес не может выполнять формально-юридической функции, поскольку он имеет метаправовую¹ природу, не позволяющую ему быть напрямую включенным в механизм правового регулирования. Влияние подобного интереса на динамику права, если и происходит, то опосредованно через сознание и волеобразование.

Полагаем, поскольку именно юридические факты играют центральную, сущностную роль в возникновении, движении, прекращении права во всех его формах и модификациях, то именно через них и происходит взаимосвязь между явлениями «фактическими» (эксцессы нормального волеобразования в юридическом лице, умаляющие его самостоятельную правосубъектность) и «юридическими» (наступление ответственности участника общества посредством «снятия корпоративной вуали») внутри конкретной юридической личности применительно к рассматриваемой сфере.

По сути, действует правило: кто умышленно нарушил цель существования «юридической личности», действующей своей волей и в своем интересе, и таким образом посягнул на исходные начала ее правосубъектности, тот лишается права ссылаться на защиту, даваемую самим фактом признания корпорации в качестве самостоятельного субъекта права.

Корпоративный контроль в этом механизме является элементом сложного юридического факта (состава), порождающего допустимость возложения ответственности на участников корпорации.

Аналогичным образом не усматривается правоприменительных проблем в квалификации смешения капиталов участника и общества, недокапитализации, фиктивности осуществления деятельности в качестве элементов сложных юридических фактов (составов) как в совокупности с корпоративным контролем, так и без него.

Описанный подход принципиально отличается от существующей правоприменительной парадигмы «латания дыр» через использование ст. 10 ГК РФ и обеспечивает непрерывность динамики правового регулирования.

Безусловно, на предельном удалении в основе этих двух механизмов лежит идея о «поломке» юридической личности и необходимости соответствующей реакции правовой системы. Однако, как право должно порождать должное, а не отражать сущее, так и в выборе правовой судьбы рассматриваемого института мы должны предложить для его адекватного развития такие инструменты воздействия, которые будут не просто «догонять» складывающиеся отношения в попытках закрыть всё новые эксцессы, а создадут целостную систему долженствований.

Заключение

Исходя из всего изложенного выше, вызывает сомнение обоснованность отдельных инструментов преодоления принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ в качестве исключительной меры, применяемой в индивидуальных случаях по усмотрению суда. Любые заранее нетранспарентные исключения из общего правила будут неминуемо приводить к непредсказуемости реализации правовой модели.

Современная практика применения судами ст. 10 ГК РФ в корпоративных и банкротных правоотношениях является примером временной методологии и добавляет правоприменению не гибкость, а непредсказуемость.

При выработке вполне ясных подходов судебная практика должна служить маркером, обуславливающим необходимость корректировки системы правовых норм, но не подменять саму эту систему.

¹ То есть, является концептуальным понятием, не входящим в число элементов правоотношения и права в целом, хоть и оказывающим на него влияние.

Перед юридическим сообществом в таком случае встает задача выработки общего родового нормативного регулирования в рассматриваемой сфере, отражающего основные принципы (в частности, о недопустимости игнорирования правовой личности юридического лица), по отношению к которым ответственность контролирующих лиц в корпоративном праве, субсидиарная ответственность в банкротстве будут выступать в качестве видовых и нормативно субординированных элементов.

Тогда корпоративный контроль верифицирует своё место в механизме правового регулирования как предсказуемый элемент сложных юридических фактов (составов), а не общая квазиправовая идея, которая судами через призму ст. 10 ГК РФ широко применяется при «снятии корпоративной вуали».

Список источников

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / Изд. 3-е, стереотип. М.: "Статут", 2001. 353 с. // https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_10.html#8
2. Шиткина И. С. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2017. 974 с.
3. Шиткин А. О. Понятие и основания возникновения корпоративного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 5(520). С. 104–121.
4. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Власова Анна Вадимовна. Ярославль, 1998. 150 с.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. 782 с.
6. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 509 с.
7. Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования : [монография]. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 142 с.
8. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав : Теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
9. Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 1998. 48 с.
10. Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США : понятие, основания и правовые последствия возникновения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Шиткин Андрей Олегович; М., 2020. 245 с.
11. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
12. Miola M. Legal capital and limited liability companies: the European perspective – 2005. – 4 ECFR 413.
13. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 454 с.
14. Мамагеишвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73.
15. Gierke O. F. Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895.
16. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

References

1. Pokrovsky I. A. *Basic problems of civil law*. Moscow: Statut; 2001. 353 p. // https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_10.html#8 (In Russ.).
2. Shitkina I. S. *Corporate Law: A Training course*. In 2 volumes. Ed. by I. S. Shitkin. Vol. 2. Moscow: Statut; 2017. 974 p. (In Russ.).
3. Shitkin A. O. The concept and grounds for the emergence of corporate control. *Economy and Law*. 2020;5(520):104–121. (In Russ.).
4. Vlasova A. V. *Structure of subjective civil law*: dis. ... cand. legal sciences. Yaroslavl; 1998. 150 p. (In Russ.).
5. Alekseev S. S. *Collected works : in 10 vols. [+Reference volume]*. vol. 3: Problems of the Theory of Law: a course of lectures. Moscow: Statut Publ.; 2010. 782 p. (In Russ.).

6. Ioffe O. S. *Selected works: v 4 t.* [Selected Works: in 4 volumes]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press; 2004. 509 p. (In Russ.).
7. Zinchenko S. A. *Legal facts in the mechanism of legal regulation.* Moscow: VoltersKluver Publ.; 2007. 142 p. (In Russ.).
8. Lapach V. A. *System of Civil Rights Objects: Theory and Judicial Practice.* Saint-Petersburg; 2002. 542 p. (In Russ.).
9. Isakov V. B. *Legal facts in Russian law: Textbook.* Moscow: Justicinform Publ.; 1998. 48 p. (In Russ.).
10. Shitkin A. O. *Corporate control law of Russia and the United States : the concept, reason and legal implications of the dissertation ...* Candidate of Legal Sciences. Moscow; 2020. 245 p. (In Russ.).
11. Krasavchikov O. A. *Legal facts in Soviet Civil Law.* Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1958. 183 p. (In Russ.).
12. Miola M. *Legal capital and limited liability companies: the European perspective.* 2005. – 4 ECFR 413.
13. Sukhanov E. A. *Comparative Corporate Law.* Moscow: Statut Publ.; 2014. 454 p. (In Russ.).
14. Mamagishvili V. Z. On the significance of legal entity theories in modern corporate Law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2021;(3):36–73. (In Russ.).
15. Gierke O. F. *DeutschesPrivatrecht.* Leipzig, 1895. (In Germany).
16. Stepanov D. I. Interests of the legal entity and its participants. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2015;(1):29–83. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Супрун – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

К. Н. Кокунов – магистрант юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

V. V. Suprun – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

K. N. Kokunov – Graduate student of the Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.08.2024; одобрена после рецензирования 22.09.2024; принята к публикации 29.09.2024.

The article was submitted 07.08.2024; approved after reviewing 22.09.2024; accepted for publication 29.09.2024.